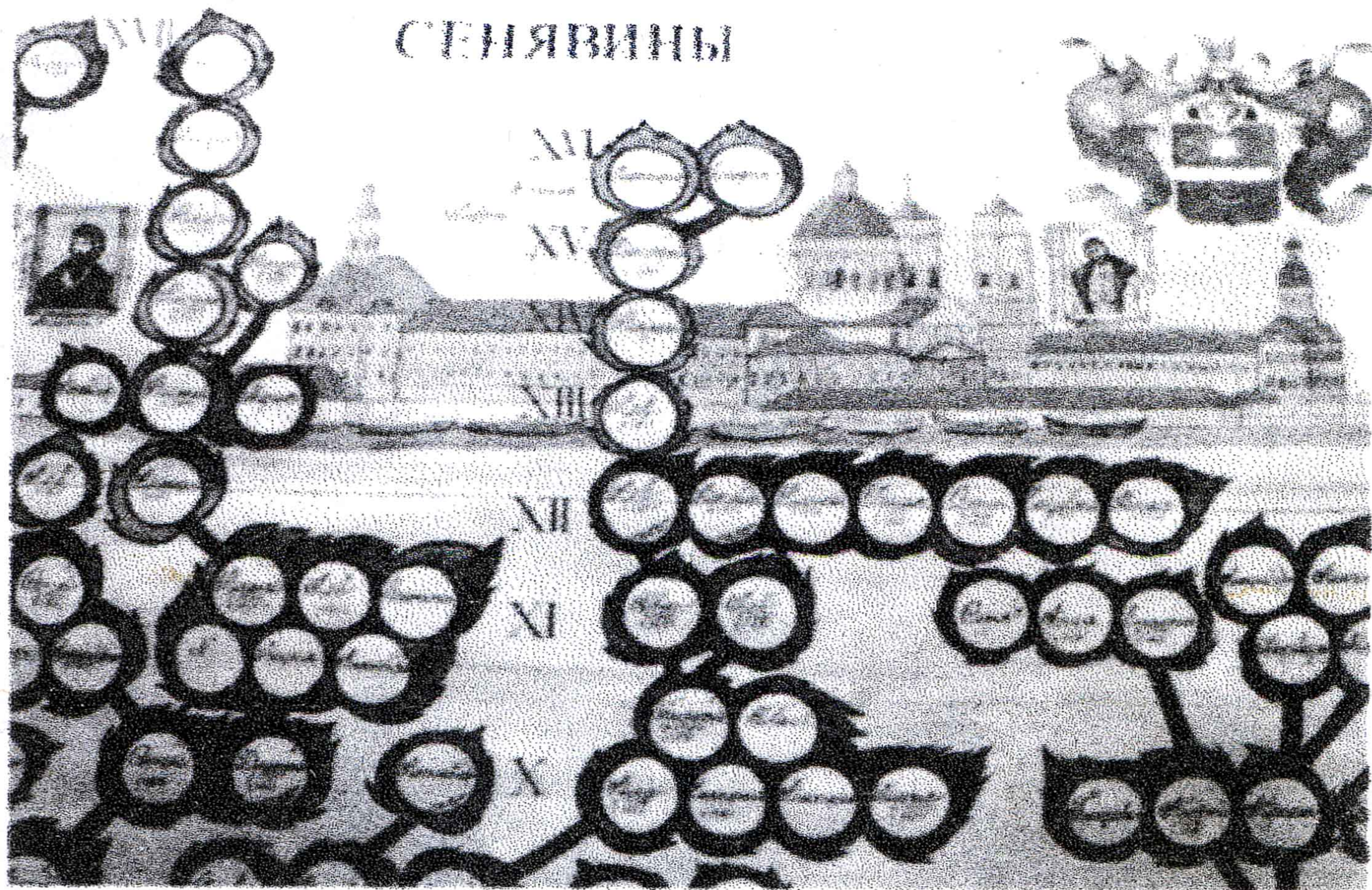

Ольга Галочкина-Солодкова.

Память веков

СЕНЯВИНЫ

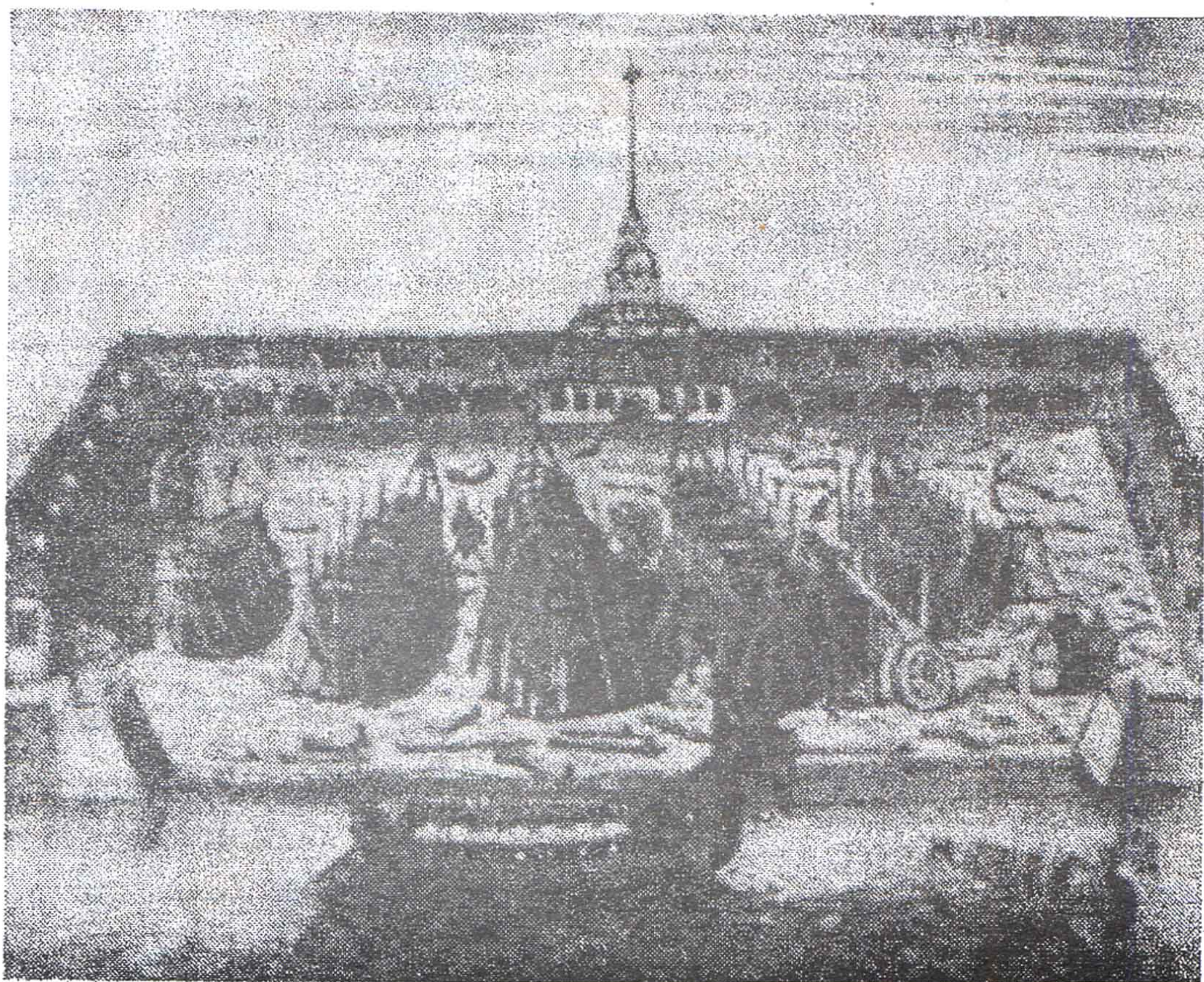

Боровск 2013

О. Галочкина-Солодкова

Память веков

(500-летию служения династии Сенявиных России посвящается)

Адмиралтейские верфи. Гравюра эпохи Петра I

Боровск 2013

От автора

В 2003 году, на первой конференции, посвященной династии Сенявиных, которая проходила у нас в Боровске, мне открылся мир, потрясший меня так, что все последующие годы, я уже не мыслила иного пути, как открывать для себя и для людей жизнь и подвиги этого прославленного рода, так не справедливо забытого земляками. Имея возможность заниматься с детьми изобразительным искусством, я поставила задачу, сделать руками детей экспозицию, посвященную нашим прославленным землякам, а уже проводя экскурсии по нашей выставке, столкнулась с такой проблемой – люди хотели купить книгу с информацией о династии, но ее в нашем музее не было. Поэтому я приняла такое решение – издать накопившийся у меня материал, собранный в музеях, архивах, на конференциях, свои статьи в газетах, очерки, в помощь интересующимся историей этого рода.

Благодарю всех, оказавших мне большую помощь в моих поисках истоков, документов и исторических фактов, связанных с династией Сенявиных и в первую очередь – Кирилла Николаевича Сенявина и Николая Кирилловича Сенявина, Богданова Валерия Викторовича, Виктора Ивановича Осипова, музей династии Воронцовых при церкви св. Екатерины в Мурино (Санкт-Петербург), Воронцовское общество и его председателя Владимира Николаевича Алексева, Центральный Военно-морской музей, Новгородский Государственный объединенный Музей-заповедник, музей-усадьбу А.В. Суворова в с. Кончанском, музей Сенявиных в с. Конь-Колодезь Липецкой области и школьный музей села Торошковичи Ленинградской области.

Благодарю завод «Вега» и его директора Льва Ефимовича Файнгерца за оказанную материальную помощь в издании этой книги.

Всем большое спасибо.

1 Кратко о династии

Год за годом уходят в былое века. Уходят люди жившие в них вместе с ними. Остаются их дела, мысли, чаяния и могилы.

По тому, как мы относимся к духовному наследию прошлого, выстраивается наше настоящее и будущее. Еще далеко не все восстановлено, что было, есть и будет свято для нас. Восстановлением порушенных храмов и воскрешением из векового забвения попорченных имен очистим наши сердца от тяжелой кары Иванов, не помнящих родства.

Древняя русская земля, сколько древних родов ты взрастила, как их стараниями украшалась золотыми куполами, мудро создавалась и оберегалась от непрошенных гостей. Все кануло в прошлое и гробовых камней даже не осталось. И только скупые документы, дошедшие до нас порой чудом проливают свет на многие истины. Дела людей по заслугам воскрешают каждого из прошлого и воздается каждому человеку сообразно его делам.

Древнейшие роды, верой и правдой служившие отечеству и ведущие свое начало от Рюриковичей, были захоронены в самых разных уголках нашей необъятной России, в своих родовых вотчинах, монастырях. Монастыри многие разрушены, от родовых гнезд порой камня на камне не оставлено.

Подобные кощунства, произведенные в недалеком прошлом, тяжелой карой лежат на наших душах, и требуют своего законного решения.

Последние годы радуют восстановлением многих храмов и усадеб, освящением мест бывших кладбищ, перезахоронением и установлением имен павших героев. Но, если сравнить порушенное и поруганное с восстановленным и вновь построенным, то последнего окажется значительно меньше, а значит и нет повода для успокоения, нам, ныне живущим. Хочется, как можно больше созидать, узнавать и передать в наследство потомкам, чтобы они не выросли теми же Иванами, не помнящими родства.

Подобная судьба постигла и древний род Сенявиных. Выдающуюся династию, служившую России и государям верой и правдой ратным делом и на государственной службе.

Сопоставляя прошлое, забытое и не ведомое нами, порой удивляешься, как оно неведомое нами, но по воле Божией, прорастает и дает благодатные плоды. Сравнена с землей усадьба Сенявиных в с. Комлево (Боровский район Калужской области), снесена церковь во **Имя Св. Иоанна Предтечи** с родовой усыпальницей, где по приданию был захоронен и юродивый Тихон, местный житель... Но много лет спустя в г. Обнинске, что в 10 километрах от г. Боровска, появляются люди в военно-морской форме, появляются учебные заведения, готовящие военных моряков... И это на земле, давшей России пять адмиралов.

В 2014 г. Исполняется 500 лет служения династии России. И хорошо бы вспомнить об этом заранее и успеть воздать должное людям, столько сил, а порой и саму жизнь положивших служению Отчизне.

Сенявины или Синявины (так писались в Петровскую эпоху.) московские дворяне, служившие воеводами, стольниками, жильцами. Имели вотчины в Смоленском, Боровском, Серпейском, Мосальском уездах, в дальнейшем в Брянской, Тульской, Воронежской, Калужской, Тамбовской, Смоленской, Петербургской губерниях.

Основатель Российского рода - **Алехна Сенявин** герба **Сенява**, выехал из Смоленска, принадлежащего тогда Польско-Литовскому княжеству, в Россию. Это произошло примерно от 1505 г. - 1514 г., так как в 1514 году уже сын Алехны, Иван получил вотчину в Смоленском уезде. Предки Сенявиных ходили в крестовые походы за гроб Господень, это отражено на их гербе - серебряная шестиконечная звезда, попирающая полумесяц.

Уже в 1525 г., сын Алехны, Иван получает вотчину в Боровском уезде. Его правнуки, верой и правдой служившие государям Российским упоминаются в исторической литературе среди участников сражений с польскими интервентами, погиб Иван Федорович Сенявин, его брат, Матвей Федорович был дважды ранен и сидел в осаде в Москве в смутное время, за что получил от царя Михаила Федоровича вотчину в боровском уезде. Во времена Алексея Михайловича Сенявины тоже дома не отсиживались - Лев Григорьевич убит под Смоленском, Ефим Григорьевич, убит под Мстиславлем, Дементий Иванович - убит в походе против Стеньки Разина, Наум Иванович умер от ран, полученных под Гдовом. И в дальнейшем судьба рода Сенявиных была связана с военной службой.

Во времена Петра I династия Сенявиных получает второе дыхание. Виновником этого становится **Аким Иванович Сенявин**, давший многочисленное и незаурядное потомство. Он же в 1688 году получил поместье в Боровском уезде в вотчину. У Акима Ивановича было 7 сыновей и дочь Анна, с которой начинается первое упоминание о женщинах рода Сенявиных, которые тоже были незаурядны и талантливы, подстать мужчинам. Что же касается сыновей Акима Ивановича, то они действительно были птенцы гнезда Петрова. Два брата - Ульян и Иван из потешных солдат Преображенского полка дослужились до высоких чинов.

Ульян стал генерал- майором, обер – комиссаром и директором над строениями в Петербурге. Начиная город строить с его основания. У него в помощниках, комиссаром в канцелярии от строений, был младший его брат – **Федор Акимович**. **Федор Акимович** был также бригадиром (чин выше полковника, но ниже генерала) Сенявина батальона – первопрообраза стройбата. Набирался этот батальон из Боровских, Серпейских, Мосальских людей.

Бригадиром стал и старший брат – **Иван большой**.

Иван-меньшой стал контр - адмиралом, главным командиром Каспийской флотилии. По их стопам последовали и младшие братья Борис, ставший полковником и Наум.

Наум Акимович Сенявин был незауряднейшей личностью. Пылкий и дерзкий, подстать самому Петру. Начал службу простым матросом и стал **первым Российским вице-адмиралом**, из природных русских. Его победу над шведской эскадрой у острова Эзель воспел в своей картине «Эзельское сражение» великий русский художник Алексей Петрович Боголюбов. Наум Акимович - кавалер ордена Александра Невского, командующий Днепровской флотилией, не предал идей Петра 1 и после его смерти, служил самоотверженно флоту Российскому и Государям и умер от моровой язвы на войне с Турцией в 1738г.

Не баловали Акимовичи и своих детей. У Ивана два сына пошли по стопам отца - **Иван Иванович** стал капитан - командором, **Николай Иванович** пошел дальше отца - стал **вице-адмиралом** и командиром Кронштадтского порта.

Наум Акимович еще строже взыскивал со своих детей. Обоих его сыновей, Сергея и Алексея, по высочайшему распоряжению Императрицы, из-за заслуг отца, разрешено было определить во флот сразу мичманами.

Сын Алексей стал уже **полным адмиралом**, с 12 лет был определен в службу, а в 16 лет был взят на войну с Турцией. У Алексея, как у отца, судьба оказалась нелегкой, но блистательной - участник Семилетней войны, командующий Балтийской эскадрой 1767-1768гг, командующий Донской и Азовской флотилиями (их основатель), которые переросли впоследствии в Черноморский флот. Кавалер Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1 степени, Св. Анны. О его брате, Сергее Наумовиче известно меньше, но и он не был незаметным человеком. Начал службу во флоте мичманом и служил с 1834г. По 1752г., уволен был по болезни к статским делам в чине надворного советника. В дальнейшем стал камергером и дослужился до чина генерала – поручика.

Сын Алексея Наумовича, Григорий, так же стал военным моряком. Бал волонтером в английском флоте, плавал до Аляски, был командиром Херсонского порта, участвовал в эскадре адмирала Ушакова в средиземноморском походе, был тяжело ранен. Дослужившись до звания капитан-командор, был уволен по состоянию здоровья.

Его сын, **Иван Григорьевич**, стал известным государственным деятелем. Был Новгородским губернатором (1838 -1840 гг.), затем Московским губернатором (1840 – 1844 гг.), с 1844г. по 1851г. Товарищ министра внутренних дел.

Но вернемся снова в эпоху Петра I.

Два Акимовича стали воеводами - **Илларион** в Нарыме и Кузнецке, **Федор** в Бахмуте, ныне Артемовск. Илларион был так же судьей в Боровске.

К Федору перешла вотчина в боровском районе, от него к сыну **Николаю**, служившему во флоте генерал- адъютантом при своем двоюродном брате – адмирале Алексее Наумовиче Сенявине. С именем Николая Федоровича

связано и первое упоминание села Комлева Боровского уезда, как вотчины, переходящей по наследству. В Комлево родился сын - будущий адмирал **Дмитрий Николаевич Сенявин**, герой **Дарданелльского и Афонского сражений** (Архипелагский поход 1807 г, два победоносных сражения у превосходящей с силе Турецкой эскадры), продолжатель дела Ушакова, учитель последующего поколения флотоводцев – М.П. Лазарева, П.С. Нахимова. С 1826 г. командующий Балтийской флотилией, сенатор. В Комлево младенец Дмитрий был и крещен в церкви **Иоанна Крестителя**, построенной его предками в 1712-1713 гг. Священник комлевский отец Козьма, крестивший младенца, учил его и первым азам грамоты, дальнейшее познание которой будущий адмирал продолжил в простой солдатской школе в Боровске, а затем в Петербурге в морском шляхетном кадетском корпусе, следуя по стопам отца и старшего брата - **Сергея Николаевича**, уже служившего во флоте.

Сергей Сенявин во время войны со Швецией, в 1791 г, получил серьезное ранение и был уволен в отставку в звании капитана второго ранга. **Сыновья Сергея Николаевича - Константин и Сергей** замыкают доблестную династию Сенявиных военных - моряков . Сыновья **Дмитрия Николаевича** уже служили в гвардии. **Лев Дмитриевич** рано умер, дослужившись до звания подпоручика. Старший сын, **Николай Дмитриевич**, закончив морской кадетский корпус, начал службу в гвардии. Участвовал в Кавказской войне, награжден орденом св. Владимира 4 степени и оружием «За храбрость». Участвовал в военных действиях в Польше. Став полковником вышел в отставку и исчез загадочно о его дальнейшей судьбе ничего не известно, но в молодости он проходил по делу Декабристов, причастность его к заговору и тайному обществу осталась не доказана но и поныне тайна и загадочность висят над именем **Николая Дмитриевича**. Сын его, **Аполлон Николаевич**, родился после его условно принятой смерти, где похоронен **Николай Дмитриевич** тоже пока не известно. И имение Комлево перешло от **Дмитрия Николаевича** не к **Николаю Дмитриевичу** и затем логично к **Аполлону Николаевичу**, а к дочери **Дмитрия Николаевича - Александре Дмитриевне**, в замужестве подполковнице **Станкевич**, а затем к ее детям... В 1895 г. имение было продано фабриканту **Исаеву**, которому не имение нужно было и не местные красоты, а торф, коим богаты были местные озера. Печально конечно за потомков **Дмитрия Николаевича**, что они не смогли уберечь и сохранить родовое имение, которым **Дмитрий Николаевич** так дорожил и за которое даже судился, но уберег родную вотчину, за которую, как за пядь Русской земли воевал не жалея своей жизни и передал своим детям в хорошем, добротном состоянии. Трагическая судьба комлевской церкви с усыпальницей и кладбищем и самой усадьбы подобна судьбам тысяч русских усадеб и церквей.

Не хочется заканчивать на такой грустной ноте о столь славной династии, хочется с надеждой и верой обратиться к нашему поколению - что мы оставим своим детям - пустынное, поруганное место на котором сейчас возведен холодный, мертвый обелиск или как всегда у наших предков было духовным законом, заветом – славу и память героев увековечивали храмом и служили в нем службы за здравие, за упокой, праздничные службы, свято веря, что таким только образом мы обретаем связь с истиной, духом предков и они, стоя у престола Господня молятся за нас. Я уверена, что ни смотря, ни на что, Дмитрий Николаевич просит у Всевышнего за наших мальчишек, одевших сегодня, как и он когда-то форму морских курсантов.

Наша святая обязанность- восстановить все, что было связано с именем нашего прославленного флотоводца на его малой Родине и, что свято почиталось и оберегалось его предками и потомками -древним родом Сенявиных.

Известны еще два моряка Сенявины – Николай Львович, капитан 2 ранга и сын его Дмитрий Николаевич. Николай Львович воевал в Белой Армии и вместе с Врангелем ушел за границу в Бизерту (французская колония, порт в Тунисе), где базировался весь российский флот Белой Армии. Здесь был организован военно-морской кадетский корпус, который закончил Дмитрий Николаевич, затем служил мичманом во Французском военном флоте. Определить какой ветки Сенявиных эти моряки трудно, предположительно, что потомки адмирала Алексея Наумовича Сенявина.

2. Наш прославленный земляк – адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин – человек и герой.

Дмитрий Николаевич гордился своими предками и всегда старался не уронить чести рода и служить достойно Отечеству. Это видно из первых строк, которыми начинаются мемуары самого адмирала: « Я из рода тех Сенявиных которого потомки в царствование государя императора Петра Великого славно служили в гвардии и во флоте.» (3 с.102).

Дмитрий Николаевич Сенявин родился 6 августа 1763 года в селе Комлево, Калужской Губернии, Боровского уезда.

Ранние свои годы он провел под надзором своей матери, которая руководила воспитанием сына.

Имя матери Дмитрия Николаевича было утеряно. Благодаря работе в архивах ее имя было восстановлено - Мария Васильевна. Ведется поиск по восстановлению ее фамилии до замужества. Она является образцом матери, свято верящей в предназначение своего сына и все делающей для того, чтобы это предназначение свершилось. О навозила его с братом в Петербург, когда Дмитрию исполнилось только шесть лет, для определения в сухопутной шляхетной корпус. Эта поездка не имела успеха. Им пришлось

вернуться домой. Но в эту поездку был определен в морской кадетский корпус Сергей, старший брат Дмитрия Николаевича. Мария Васильевна в дальнейшем не переставала верить в особое предназначение своего младшего сына.

Чтоб не был он в деревне праздным, его отдали в солдатскую школу, где будущий адмирал непосредственно познал душу простого русского человека и в дальнейшем это очень благотворно сыграло на формировании его характера и военачальника.

По исполнении девяти лет Дмитрия определяют в морской кадетский корпус в Петербурге. За племянника ходатайствует его дядя адмирал Алексей Наумович Сенявин, командующий Азовской флотилией. В феврале 1773 года Дмитрий Николаевич был определен в морской корпус (8).

Сам Дмитрий Николаевич так вспоминал о своей учебе в кадетском корпусе: «Корпус Морской находился тогда в Кронштадте весьма в плохом состоянии, директор жил в Петербурге и в корпусе бывал весьма редко; по нем старший был полковник, жил в Кронштадте, но вне корпуса, бывал в корпусе почти каждый день для того только, что был в корпусе. За ним управлял по всем частям майор Голостенов и жил в корпусе, человек средних познаний, весьма крутого нрава и при том любил хорошо кутить, а больше выпить. Кадет учили математическим и всем прочим касательно до мореплавания наукам очень хорошо и весьма достаточно, чтобы быть исправным морским офицером, но нравственности и присмотра за детьми не было никаких, а потому из двухсот или двухсотпятидесяти кадет ежегодно десятками выпускались в морские батальоны и артиллерию за лень и дурное поведение. Вот и я, пользуясь таким благоприятным временем, в короткое время сделался ленивец и резвец чрезвычайный.» (3 с.103,1040), (10 с.214).

И только опять благодаря родовой крепости и сплоченности Дмитрий Николаевич сумел переоценить свои дурные поступки, взяться за ум и закончить учение одним из лучших кадетов. Сам Дмитрий Николаевич так описывает меры воспитания принятые к вразумлению: «... к счастью моему был тогда в Кронштадте дядя у меня капитан 1 ранга Сенявин. Узнав о намерении моем залучил меня к себе в гости, сперва рассказал все мои шалости, представил их в самом пагубном для меня виде, потом говорил мне наилучшие вещи, которых я убегаю по глупости моей, а потом в заключение кликнул людей с розгами, положили меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь то помню, вечная ему память и вечная моя ему моя благодарность. После обласкал меня по-прежнему, подарил конфетами, сам проводил меня в корпус и на прощанье подтвердил решительно, чтобы я выбрал себе любое, т.е. или бы учился или каждую неделю будут мне такие же секанцы.

Возвратясь в корпус, я призадумался, уже и резвость на ум не идет, пришел в классы, выучил скоро мои уроки, память я имел хорошую, и, прибавив к тому прилежание, дело пошло изрядно. Самое это время возвратился из похода старший брат мой родной, часто рассказывал нам в шабашное время красоты корабля и все прелести морской службы. Это сильно подействовало на меня, я принялся учиться вправду и не с большим в три года кончил науки и был готов в офицеры.» (3 с.104,105), (10 с.215).

Из этих воспоминаний Дмитрия Николаевича видно, что противостояло равнодушию и халатности воспитателей в корпусе, и без чего вряд ли бы он стал талантливым военачальником, а Россия потеряла бы еще одного своего героя. В первую очередь - это неравнодушные дяди к воспитанию подрастающего Сенявина и личный пример служения родовому делу самого дяди и старшего брата.

В ноябре ~~месяце~~ 1777 года Сенявин был произведен в гардемарины. Плавание на кораблях в течение этого времени окончательно привязали его к морю. Практическое плавание под руководством таких командиров какими были его дядя, и непосредственно его командир - Коняев, явилось для него прекрасной школой пополневшей пробелы корпусного образования. Мудрые моряки мало досаждали науками, больше приучали к морю, давая простор молодым головам. Дмитрий Николаевич, обладая от природы живым характером и любознательностью, заслужил прекрасные аттестации от своих командиров и успешно выдержал офицерские экзамены.

Первого мая 1780 года Сенявин был произведен в мичманы и назначен на корабль «Князь Владимир», которому надлежало идти в Португалию. Обратив на себя внимание начальства в этом плавании и составив репутацию опытного офицера, Дмитрий Николаевич был вскоре переведен на молодой Азовский флот, который нуждался в хороших командирах.

Восьмидесятые года восемнадцатого века - утверждение России на своих исконных южных землях и Черном море. С назначением Потемкина наместником Новороссии на юге началась энергичная деятельность по заселению новороссийских степей и приведению их в оборонительное состояние. Обстановка требовала скорейшего создания здесь вооруженных сил для предстоящей борьбы, в том числе боеспособного флота. Деятельность Потемкина в этом направлении не имела себе равных и создала целую плеяду виднейших русских морских военачальников, как Ушаков, Сенявин, Веревкин, Пустошкин, Галенкин и другие.

Неуемная энергия Дмитрия Николаевича нашла благодатное русло, он всегда оказывается в самых трудных местах, быстро продвигаясь по службе. В 1783 году он уже в чине лейтенанта начинает, под начальством адмирала Мекензи, строительство Севастополя. Мекензи назначает его своей правой рукой, флаг-офицером. Находясь постоянно в качестве начальника штаба и ведя все сношения с властями и администрацией, Сенявин имел

возможность выработать в этой работе необходимый служебный такт, инициативу, умение понимать и распознавать людей. Нет сомнения, что этот опыт значительно обогатил служебные и житейские познания будущего флотоводца, выработал навыки разбираться во всяких сложных положениях уметь быстро схватывать, главное и отбрасывать мелочи. Последняя черта особенно характерна для Сенявина, умевшего критически отнестись и к себе и научить тому же других.

Обладая талантом выбирать способных людей, Потемкин сразу остановил свой выбор на Сенявине, который своим умом, здоровыми взглядами и неугасимой энергией выделялся из среды молодых офицеров, и не стеснялся откровенно докладывать о нуждах и потребностях флота. Потемкин быстро оценил ум и знания Сенявина и вскоре назначил его своим генеральс-адъютантом, офицеров особых поручений по морской части, и часто знакомил его со своими планами намерениями, предположениями — это все способствовало обогащению Сенявина административным опытом, в дальнейшем достойного ученика своего неординарного учителя. Совместная их работа в условиях начавшейся в 1787 году войны, сложной политической обстановки, интенсивного строительства флота, интриг, явилась серьезной деловой, военной, дипломатической и хозяйственной школой для способного ученика, каким был Сенявин.

Нет смысла перечислять все баталии, в которых участвовал Сенявин в этот период своей жизни (подробный список дат сражений и наград приведен в общей родословной Сенявиных), так как для нас больший интерес представляет не сухая хронология событий, а становление Дмитрия Николаевича как личности под благодатным влиянием той среды и окружающих людей на его личную человеческую основу, выращенную в определенных родовых традициях.

Одним из самых выдающихся людей с которыми Дмитрия Николаевича свела судьба стал Федор Федорович Ушаков. Неординарный человек, новатор, гениальный стратег, способный в корне изменить всю обстановку борьбы на море. Его воззрения в корне расходились с укоренившимися в то время рутинными положениями линейной тактики. Ставя основной целью боя быстрый и решительный разгром противника, Ушаков видел возможность достижения этого только в смелом и свободном маневре, в предоставлении инициативы непосредственно начальникам и командирам а также в нанесении сосредоточенного удара по флагманам, поэтому вся боевая подготовка флота была подчинена требованиям проведения самой энергичной атаки и сближения с противником вплотную для введения в действие артиллерии всех калибров. Особым приемом являлось направление основного, сосредоточенными силами, удара по неприятельским флагманам, с целью расстройств и нарушения боевого порядка и тем самым, дезорганизации противника. Все это подчиненное единому замыслу, не связывалось с

отжившими требованиями линейной тактики — удерживать во всех фазах боя обязательный строй кильватерной линии. Походный порядок нередко являлся боевым, чтобы не тратить времени на перестроение и этим не дать неприятелю время на подготовку к отражению атаки. Сенявин всей глубиной своего таланта воспринял новаторский подход Ушакова. Именно школе Ушакова Дмитрий Николаевич был обязан теми качествами талантливоего флотоводца, которые сказались в будущем герое Дарданелл и Афона, где ученик не только с успехом осуществлял оперативные и тактические идеи своего учителя, но и внес много нового в дело дальнейшего развития военно-морского искусства. И Потемкин, и Ушаков, каждый по-своему, воспитывали Сенявина, понимая, что со временем он будет современным отличным адмиралом и даже может быть превзойдет их. Оба оказались правыми — в лице Сенявина Россия и флот приобрели одного из замечательнейших флотоводцев, который многое, восприняв от обоих своих учителей, дал впоследствии образцы политического, дипломатического, стратегического и тактического искусства. Был талантливым наставником и духовным учителем молодежи, передавая последующему поколению все лучшее, что сам получил в молодости непосредственно от своих наставников и учителей, являясь необходимым звеном преемственности поколений, о чем было уже неоднократно сказано.

Именно пройдя такую школу, Дмитрий Николаевич, попадая ни раз в сложные политические взаимоотношения, командуя флотом и армией с предоставлением больших полномочий, в дали от России и в моменты наибольшего колебания политической обстановки, неуклонно всегда шел намеченной дорогой, осуществляя поставленные цели наиболее верным, выгодным и достойным способом. Школа Потемкина наделила Сенявина ясным государственным умом и полным достоинства и мужества творчеством, а школа Ушакова — военной стратегии и гуманности, истинной любви к русскому человеку, матросу и воину.

Жизнь Дмитрия Николаевича была очень непроста, были и почести, и слава, и немилости, и забвения за слуг. Служба его проходила в царствование Екатерины Великой, Павла I, Александра I, Николая I. Каждый из этих императоров по разному относились и к значению флота для России и к самому Дмитрию Николаевичу и как к человеку, и как к флотоводцу.

Времена Екатерины Великой — наивысший подъем величия русского флота, породивший массу талантливых, пассионарных людей во славу России и российского флота — начало, закваска, становление Сенявина как личности.

Времена Павла I — освободительная победоносная кампания Суворова и Ушакова в Европе и Архипелаге, освобождение Ионической республики. Становление Сенявина как политика и военачальника.

Времена Александра I - это время проверки Сеньявина на зрелость, самостоятельность - Архипелагский поход под командованием вице-адмирала Сеньявина (1805 - 1809 гг) - зенит его славы и несправедливой опалы и забвения.

Времена Николая I - время почета, уважения, воздание справедливого вознаграждения за былые заслуги. Время воссоздания заново флота Российского и пестование нового поколения будущих флотоводцев.

Проверка на зрелость, герой-победоносец, опала

10 сентября 1805 г. Д. Н. Сеньявин со своей эскадрой в составе 5 кораблей - вышел из Кронштадта. Начался новый период жизни Дмитрия Николаевича, проверка на зрелость, зенит его славы и славы российского флота в правление Александра I. Этому периоду жизни и деятельности Дмитрия Николаевича принадлежит труд известного историка Е. Тарле (11) и ряд интересных статей (12), (13).

Сложная задача возлагалась на Сеньявина. Предстояло под угрозой ежеминутно готовой вспыхнуть войны пройти с эскадрой из Балтийского в Средиземное море, мимо берегов враждебных нам Франции и Испании, к Ионическим островам.

Дипломатические сношения России и Франции были уже прерваны, а потому, находясь в открытом море, нужно было каждую минуту ждать начала военных действий, в результате которых эскадра теряла возможность вернуться обратно.

Но не только этим осложнялось положение Сеньявина. Предвидя упорную борьбу, поставленный в необходимость широко вести военные операции, Сеньявин на первых порах оказывался совершенно не обеспеченным ни необходимой базой, ни снабжением, ни возможностью вовремя получать подкрепления, предстояло самому изыскивать средства для содержания эскадры (что он делал с удивительной находчивостью и талантом) и чрезвычайно внимательно следить за политической ситуацией.

Порученное дело требовало ясной головы, твердого характера, больших дипломатических способностей и военного таланта.

Все эти качества долгое время взращивались и счастливо совмещались в Сеньявине. Ему была предоставлена полная самостоятельность и мощь главнокомандующего, что, с одной стороны, давало необходимый простор для творчества, с другой - влекло за собой большую ответственность за возможные неудачи. Дмитрий Николаевич, пройдя хорошую школу Потемкина и Ушакова, был прекрасно готов к решению поставленных для него задач.

Переход из Балтийского моря в Средиземное был совершен за рекордно короткий срок и исключительно благополучно.

Основной задачей Сенявина было защищать, ставшие ему уже родными, Ионические острова, не допускать неприятеля к турецким и греческим берегам и оказывать генералу Ласси, находившемуся в Италии, всякую помощь в деле освобождения средиземноморского народа от власти французов.

Желая как возможно скорее разрушить планы Бонапарта, Сенявин решил занять своими войсками область Катаро.

Придя к твердому решению искать и уничтожить неприятеля, Сенявин, естественно, выходил из рамок данной инструкции, беря на себя ответственность за последующее, кроме задачи, указанной ему инструкцией, избрал себе и новую: не оборону, а наступление - и в новом районе, инструкцией вовсе не предусмотренном - у берегов Адриатики.

Это самостоятельное выступление Сенявина до сих пор остается примером тонкого, очень искусного политического шага.

Наполеон захватил Далмацию и Приморские земли, населенные сербами и черногорцами, единоверцами русских и, естественно, вызвал у них сильнейшее негодование и желание искать покровительства у России, флот которой, как они знали, находился в Корфу. Славяне восстали за свою независимость.

Эти обстоятельства заставили Сенявина взять на свой страх и риск задуманное им выступление в области Катаро, на которое он не имел никаких полномочий.

В этом сразу же сказался Сенявин. И, конечно, можно понять, почему-прибытие его с эскадрой в Корфу (в котором он несколько лет назад был комендантом) так подняло дух подчиненных ему флота и войск, так окрылило светлой надеждой сербов, бокезцев и черногорцев.

Действительно, появление Сенявина в Катаро было встречено всеобщим восторгом.

Но 27 марта 1806 года он получил повеление царя, поразившее всех — предписывающее эскадре оставить свои позиции и отправляться со всеми войсками в черноморские порты.

Столь поразительная перемена распоряжений, правительства объяснялась победами Наполеона в Европе.

Эскадра Сенявина — наоборот, с успехом действовала у Далматинского побережья, захватив остров Курцало. В числе трофеев были 12 пушек, различные запасы и 9 мелких судов. В плен были взяты комендант, 7 офицеров и 252 солдата.

Сенявин, видя полную готовность к борьбе бокезцев и далматинцев, успехи своих отрядов и будучи уже почти хозяином в Адриатике, медлил с исполнением полученного приказа, надеясь на его отмену. Вместе с тем, чтобы не терять времени, он отправился в Катаро для дальнейшего выполнения своего плана.

Однако, чтобы это решение не носило характера явного ослушания, он отправил корабль «Мария Магдалина», фрегаты «Крепкий», «Назарет» и 4 транспорта в Черное море. На одном из них отправился генерал Ласси, получивший также приказание возвратиться.

19 апреля Сенявин вместе с шестью ротами егерей, посаженными на два корабля и фрегат, пришел в Боко-ди-Катаро. Здесь он получил сведение, что французы значительно усилили свои войска в Далмации.

Не имея до сих пор ответа из Петербурга на донесение свое о занятии Катаро и о намерении действовать в Далмации, а также не зная, кто теперь назначен главнокомандующим, Сенявин решил пока не переходить в наступление.

Наконец, Сенявин получил рескрипт, в котором Александр I, одобряя занятие Катаро, разрешал действовать по своему усмотрению, вторично утвердив его в должности главнокомандующего.

«Радость и клики народа не умолкают», - пишет Броневский, офицер эскадры Сенявина, по этому поводу в своих записках (3, с.49).

Из Триеста доложил ему, что австрийцы по настоянию Наполеона задержали славянские торговые суда, находившиеся в этом порту, а военным русским судам было предложено не подходить к Триесту ближе, чем на пушечный выстрел.

Возмущенный такой дерзостью Сенявин поспешил в Триест. Придя туда, он стал под самыми батареями города и расположил эскадру в боевом порядке. Напрасно австрийский комендант фельдмаршал Цах требовал удаления русских судов на пушечный выстрел. «Стреляйте, - ответил Сенявин, - я увижу, где ваши ядра лягут и где должно мне стать» (3, с.50). Начались переговоры. Австрийские дипломаты уверяли Сенявина в искренней дружбе, всю вину сваливали на Наполеона, грозившего вторжением двадцатитысячной армии, находившейся около Триеста. Но все было напрасно.

Русский главнокомандующий был непоколебим. Отпуская австрийских чиновников, он им сказал: «Теперь нет времени продолжать бесполезные переговоры. Вам должно избрать одно из двух: или держаться точного смысла прав нейтралитета или действовать по внушению французских генералов. Мой выбор сделан, и вот последнее мое требование: если час спустя не будут возвращены суда, вами задержанные, то я силою возьму не только свои, но и все ваши, сколько их есть в гавани и в море. Уверяю вас, что двадцать тысяч французов не защитят Триеста. Надеюсь, однако же, что через час мы будем друзьями. Я только и прошу, чтобы не было малейшего виду, клонящегося к оскорблению чести российского флага, и собственно, для вашей же пользы, чтобы не осталось и следов неудовольствия. Скажите генералу Цаху, что теперь от него зависит сохранить дружбу..., которая столько раз была вам полезна и впредь может пригодиться. Уверьте его, что через час я начну военные действия» (3, с. 51).

В этих словах сказался весь Сенявин. Только Сенявин способен был взять на себя всю тяжесть ответственности, если бы Австрия была втянута в войну с Россией. Но Сенявин знал психологию и положение австрийцев. Здесь в нем особенно ярко сказался дальновидный политик и дипломат, не менее талантливый, чем флотоводец. Своей твердостью Сенявин добился своего и этим поддержал уже окончательно распадавшийся союз России с Австрией.

Распространившиеся среди бокезцев и черногорцев слухи о том, что русский посол в Вене ведет переговоры о передаче Боко-ди-Катаро австрийцам, а те отдадут его Наполеону, приводили их в уныние, почему Сенявину приходилось продолжать осаду почти одними собственными силами. В это же время французы получили большое подкрепление. Видя неравенство в силах, упадок духа у союзников, а главное, встревоженный сам переговорами в Вене, Сенявин снял осаду и возвратился в Катаро.

Слухи, встревожившие бокезцев и черногорцев, оказались справедливыми. В Вене, действительно, уже была решена участь Боко-ди-Катаро.

Избранные представители бокезцев и черногорцев обратились к Сенявину с просьбой о помощи в их борьбе за независимость.

Бокезский и черногорский народы были готовы с оружием в руках защищать свою честь и независимость, предпочитая смерть постылому рабству. Что оставалось делать Сенявину?

С одной стороны, надо было исполнять повеление из Петербурга, которое не сегодня-завтра должно прийти, с, другой - он не мог бросить целый народ, просивший и умолявший о своем спасении и защите.

И снова, беря на себя ответственность, он ответил им следующим: «Пошлем к государю избранных из именитейших граждан, будем вместе надеяться на его милосердие или на перемену неприятного положения политических дел... До тех пор, сколько будет возможно, не оставлю вас, храбрый и великодушный народ. Принимаю на себя всю ответственность, готов защищать вас всею силою и охотою. Успокойтесь и не предавайтесь отчаянию...» (3, с. 54).

Сенявин стал усиленно готовить Каторскую крепость к обороне.

Дмитрий Николаевич получил от министра иностранных дел князя Чарторыжского известие, что царь одобряет занятие Боко-ди-Катаро, и разрешает эскадре остаться в Адриатике, вместе с сухопутными войсками. Тяжелая гора спала с плеч Сенявина, но не на долго, 21 июля к нему прибыл французский офицер с письмом от русского уполномоченного в Париже - Убри. Он сообщал Сенявину, что 8 июля дружеские отношения между Россией и Францией восстановлены и что подписан мирный договор, по которому русские обязались очистить Далмацию, а Катаро сдать французам, то есть отдать единственные завоевания в войне с Наполеоном! Это вызвало упадок духа у бокезцев, они взывали к Сенявину - не оставлять их или раз-

решить следовать за ним, что многие и сделали, впоследствии перейдя с эскадрой Сенявина в Россию (12).

И Сенявин снова обещал не покидать их и, к величайшему удивлению французского офицера, наотрез отказался от исполнения предъявленных к нему требований, отвечая дипломатично, что он исполнит все это лишь тогда, когда получит личное повеление царя. Опять неутомимый радатель за вверенные ему судьбы брал на себя колоссальную ответственность и проявлял невиданное неповиновение приказу, но опять же мудро и дальновидно.

Александр не утвердил заключенного Убри договора и решил продолжать войну, приказав известить об этом Сенявина, который разве, что по воле Божией смог предвидеть подобный ход событий.

Военные действия против французов Сенявина продолжались. Генерал Мармон, 20 сентября, решив овладеть всей Катарской областью, дал генеральное сражение. Соотношение сил позволяло французам надеяться на решительную победу над русскими. У них было 20 000 против всего 5000 человек.

Однако результатом столкновения было новое поражение французов.

После сражения Мармон поспешно отступил к Рагузе, имея колоссальные потери.

В этот день русские моряки отбили у неприятеля 50 пушек, а военные корабли во время бегства французской армии захватили различных призов на сумму около миллиона рублей, что оказалось хорошим подспорьем, так как эскадра вдали от России плохо снабжалась всем необходимым.

Подробное мое описание военных действий с французами не случайно, потому что для меня так и остается загадкой почему такой талантливый и победоносный военачальник, оказался не у дел на своей Родине, именно в лихую годину Наполеоновского нашествия на Россию. (подробнее об этом будет написано далее).

Добиваясь осуществления «континентальной системы», Наполеон стремился всеми мерами воздействовать на Россию. В предвидении столкновения с ней Наполеон настойчиво желал войны между Россией и Турцией. Этим он хотел достичь разделения сил России на два фронта и ослабить ее. Ряд нарушенных Портой обязательств перед Россией послужил поводом к объявлению войны.

Прибыв в Корфу, Дмитрий Николаевич получил новое доказательство преданности местного населения островов. Жители Корфу преподнесли ему от имени всего народа золотые, усыпанные бриллиантами шпагу и жезл.

Узнав о начале войны и имея приказ Александра I: «приступить к военным действиям, как только будет достоверно известно о разрыве с Пор-

тою» (3 с.61), Сенявин немедленно принялся за спешные приготовления своей эскадры.

Вместе с тем Сенявину была прислана новая инструкция. Ею предписывалось: занять все важные пункты в Архипелаге, пресечь сообщение между Константинополем и малоазиатским берегом, блокировать египетские порты, уничтожать турецкую торговлю, установить и поддерживать крейсерством сообщение между Корфу, Боко-ди-Катаро и Архипелагом, стараться иметь сношения с главнокомандующим русской армией в Молдавии и Валахии.

Для выполнения всего этого Сенявину разрешалось просить помощи у англичан, которые продолжали быть в союзе с нами.

Из этого можно заключить, как много возлагалось на Сенявина и как уверены были в нем в Петербурге.

Приступив к выполнению нового приказа, Сенявин тотчас послал один из своих корветов к английскому адмиралу Дукворту, прося его выделить часть своих сил для содействия ему в блокаде Дарданелл, а сам со всеми судами отправился в Архипелаг. Это было 1 февраля 1807 г.

23 февраля эскадра встала на якорь у острова Тенедоса, где находилась и английская эскадра под флагом адмирала Дукворта. Оказалось, что Дукворт, уклоняясь от совместных действий с русским флотом, уже пытался овладеть Константинополем своими силами и потерпел поражение. Вследствие сего Дукворт категорически отказался от предложения Сенявина содействовать русской эскадре в операции против Константинополя и повторить прорыв через пролив.

Таким образом, Сенявин оказался без поддержки и принужден был действовать самостоятельно.

На военном совете, собранном Сенявиным по этому поводу, было решено ввиду недостаточности сил для форсирования пролива и отказа англичан от совместных действий не предпринимать прорыва к Константинополю и ограничиться тесной блокадой Дарданелл. (что тоже не соответствовало инструкции, но было очень разумно и дальнейшие события в войне подтвердили это). Кроме того дальнейшие события показали, что Черноморский флот, задача которого была — поддержать военные действия Русской армии с моря, блокировать Босфор и Стамбул, благодаря неумелым, а лучше сказать провокационным действиям командующего — Маркиза де Траверсе, не был способен справиться с поставленной задачей. И это на родной земле и в родных портах он не смог подготовить эскадру к боевым действиям! Сколь возрастает при этом значимость действия эскадры Сенявина, находившейся совершенно отрезанной от России уже второй год и ведущей постоянные боевые действия. Гениальное предвидение Дмитрия Николаевича заключалось даже в том, что он рассчитал запас боевых снарядов на два сражения и дал эти два сражения...!

Расчет же блокады Дарданелл в этой ситуации правилен, ибо попытка прорыва могла привести к гибели флота, что в свою очередь резко изменило бы стратегическую обстановку в пользу противника. И оставило Российскую армию совершенно без помощи со стороны флота.

Таким образом, в этом решении Сенявин снова проявил во всем блеске свои качества тонкого политика и талантливого стратега и флотоводца.

Теперь ему оставалось найти турецкий флот, дать ему генеральное сражение и тем самым достичь полного господства в Архипелаге. К этому и приступил Сенявин

Думал ли Дмитрий Николаевич, что он стоит на пороге неувядаемой славы?! Он просто исполнял свой долг перед Отечеством, в смысл этого слова привнося и долг пред памятью предков и пред будущими поколениями. Все исследователи жизни и деятельности Дмитрия Николаевича подробно описывают этот период в его жизни-(2, 3, 4, 10, 13).

Два сражения – Дарданельское и Афонское, выигранные в этот год у превосходящего в силе противника на его территории, в очередной раз покрыли славой российское оружие и русского воина и вошли в историю мирового военного искусства, а Дмитрия Николаевича Сенявина поставили в ряд лучших мировых полководцев.

Предвидя Афонское сражение, Сенявин заблаговременно отдал свой знаменитый приказ по эскадре, в котором излагался план боя на случай встречи противника в море.

Нельзя не указать, что боевая организация эскадры была на столь высоком уровне, что за время сближения с противником с флагманского корабля был поднят только один сигнал: «Начать бой», в других указаниях и приказах командиры не нуждались.

В этом еще раз сказались многолетние труды Ушакова и Сенявина в деле обучения и воспитания личного состава. Талантливый ученик не только воспринял тактические воззрения своего учителя, но и внес новые приемы в искусство ведения морского боя.

Изложенный Сенявиным в приказе план боя намечал:

а) проведение решительного сражения, причем, исходя из предшествующего опыта и знания противника, главный удар наносился турецким флагманам с целью возможно скорее нарушить боевое управление противника и дезорганизовать его действия;

б) выполнение главной атаки путем сосредоточения сил, где против каждого турецкого флагмана выделялось по два своих; для обеспечения сосредоточенного удара вводился новый прием - одновременная атака двумя кораблями с одного борта;

в) предоставление командирам полной инициативы для принятия решений в условиях меняющейся обстановки.(3, с. 68, 69).

В приказе звучит полная уверенность в знаниях и доблести командиров и всего личного состава. Сенявин не сомневается в боевой выучке и искусстве маневра своей эскадры. Но этим не ограничивается замысел Сенявина. Оформив в приказе идею главной атаки, он вместе с тем не оставляет без внимания и вопроса об обеспечении этой атаки.

Афонская победа вписала новые лавры в историю русского флота. Блестящий план Сенявина, высокая подготовка личного состава и его непоколебимое мужество и отвага явились высокими образцами русского военно-морского и флотоводческого искусства адмирала и доблести русского моряка, прославившего свое оружие на водах отдаленного Архипелага, уже не раз бывшего свидетелем выдающихся дел русского флота.

Однако радость одержанного успеха вскоре омрачилась слухами о заключении с Францией в 1807 г. Тильзитского мира и о вероятном прекращении военных действий против французов и турок.

Сенявин долго не хотел верить этим слухам, пока не получил 23 августа 1807 г. рескрипт Александра I, которым подтверждались слухи о заключенном мире. В рескрипте Сенявину повелевалось не только прекратить военные действия, но и немедленно вернуть Ионические и Далматинские острова и Боко-ди-Катаро Франции, а Тенедос - Турции и как можно скорее со всей эскадрой возвращаться в Россию.

В скором времени Сенявин получил новый рескрипт, требовавший скорейшего исполнения приказаний.

Сенявину оставалось только повиноваться, и он со всей своей эскадрой отбыл с Тенедоса, сдав его туркам.

Здесь он узнал условия перемирия с Турцией, по которым русские войска должны были оставить Молдавию и Валахию и, кроме того, возвратить туркам все взятые у них суда и призы. Последнее было выше сил Дмитрия Николаевича, и он пренебрег им, не находя возможным отдавать боевые трофеи.

Корфу и все Ионические острова согласно договору занимали французы.

16 сентября глубоко огорченный Сенявин покинул с эскадрой Ионические острова.

Итак, блестящая деятельность русской эскадры в Архипелаге была прервана Тильзитом. Не знавший поражений адмирал сдавал свои победоносные завоевания из-за чужих поражений.

Две секретные статьи, включенные в Тильзитский договор, уничтожали все труды и подвиги Сенявина и вверенных ему сил в Адриатике:

1) Российские войска сдадут французским войскам землю, известную под именем Катаро.

2) Семь островов поступят в полную собственность и обладание его величества императора Наполеона.

Третья статья - о возвращении Тенедоса туркам - уничтожала все сделанное Сенявиным в Архипелаге, свела на нет плоды боевых успехов русского флота (3, с. 77).

Наполеону мешала сенявинская эскадра, и он добился ее устранения. Больше того, он получил от Александра I право распоряжаться ею для осуществления своих захватнических замыслов. Но не таков был Дмитрий Николаевич, и хоть по приказу царя, его эскадра стала подчиненной Наполеону, он делал все от него возможное и дипломатично уходил от военных действий совместно с французами и не уронил этим самым чести русского солдата.

Подвиги русских моряков и деятельность Сенявина не прошли бесследно. Замечательные дела эскадры Сенявина значительно укрепляли позиции русского правительства при переговорах и заключении мирного договора в Тильзите, который обеспечивал России всего лишь только передышку и давал возможность подготовиться к Отечественной войне 1812 года.

В этом только и заключалось прежде всего политическое значение боевых успехов эскадры Сенявина, стяжавших новую славу русскому флоту.

Но эскадра и ее командующий, только что принесшие России новые победные лавры, оказались предоставленными своей собственной участи. Вопреки договору с Францией, которая брала на себя миссию переговоров с Турцией по поводу прохода российских судов через Дарданеллы, турецкая сторона не дала разрешение на проход нашей эскадры. Сенявину было предписано возвращаться в Санкт-Петербург, мимо уже враждебной Англии.

За этот переход эскадра попала в сильный шторм и все суда получили большие повреждения, которые необходимо было безотлагательно исправить, так как предстояло в скором времени проходить в непосредственной близости от Англии и быть готовым ко всяким враждебным действиям со стороны англичан.

Благоразумие требовало зайти в нейтральный порт для починки судов и для отдыха команды, 28 октября Сенявин вошел в Лиссабон, который был в скором времени занят французскими войсками, а русская эскадра должна была поступить в полное распоряжение Наполеона. Сенявину, недавнему разрушителю многих планов Наполеона, предписывалось из победителя превратиться в «неукоснительно исполняющего — приказание подчиненного» (3, с. 79).

Более тяжелой обиды трудно было себе представить. Но даже и не это наполняло Сенявина горестными думами. Оборачиваясь назад, в недавнее прошлое, Сенявин не мог не видеть ошибочности нового курса русской политики. И смотря вещим взглядом в будущее, этот государственный человек ясно видел, что скоро, слишком скоро настанет момент, когда России снова придется напрягать все силы в борьбе за свою независимость.

Наполеон еще и раньше добивался получить эскадру Сенявина в свое распоряжение. Лишившись флота при Абукире и Трафальгаре, и сознавая, хотя и поздно, всю важность мощной морской силы для борьбы с Англией, Наполеон после Тильзита неоднократно выражал желание, чтобы наша Средиземноморская эскадра поступила в его командование.

Начав переговоры с Петербургом и не сомневаясь в их благоприятном исходе, Наполеон решил немедленно начать ее использование и с приходом Сенявина в Лиссабон обратился к нему с предложением поступить в его распоряжение.

Но не получив еще приведенного выше рескрипта, Сенявин резко отклонил это предложение, объявив, что придерживаться строго нейтралитета. И в дальнейшем пребывание в Лиссабоне всегда находил оправдание своему неповиновению приказам Наполеона, не участвовал в захватнической войне против гостеприимно приютивших русскую эскадру португальцев, не посрамил чести русского мундира, опять же беря всю ответственность на себя и дипломатично покрывая Государя.

Через несколько дней Лиссабон был заблокирован английской эскадрой. После чего, 11 декабря французский морской министр известил Сенявина, что Россия и Франция объявили войну Англии, а 14 февраля он получил от правительства инструкцию о способах дальнейших действий, где ему, Сенявину, предписывалось, в крайнем случае сжечь и уничтожить корабли. Но Сенявин избежал этого.

Когда английские войска, разбив французов, вошли в Лиссабон, Сенявину оставалось только исполнить повеление - сжечь и уничтожить свои суда, а самому со всем личным составом сделаться военнопленными. Но не таков был Сенявин.

Предоставленный самому себе, Сенявин чувствовал, что вся эскадра верит в него и ждет его решения... Нужно было решать... И выход был найден. Сенявин брал на себя всю ответственность перед родиной и историей, но ни один корабль, ни один человек не подверглись бесчестию.

Обдумывая свое положение, Сенявин не мог не видеть одного: его флот, по своим боевым возможностям не представлял собой никакой угрозы для выставленного против него линейного флота англичан. Его старые, выслужившие свой срок корабли не могли противостоять сильнейшему в несколько раз противнику. С другой стороны, англичане, уважая в Сенявине своего бывшего союзника, сами тяготились предстоявшей им тяжелой обязанностью нападать на застигнутый врасплох флот и потому охотно пошли навстречу плану, созревшему у Сенявина.

Понимая англичан и учитывая, что они опасаются русской эскадры в руках Наполеона, Сенявин предложил начать переговоры об интернировании эскадры и притом (небывалый случай!) в портах враждебной стороны (т. е. английских).

Сенявин ясно изложил свои условия и поставил в известность, что ни на каких других условиях он не считает для себя возможным вести переговоры, предпочитая героическую смерть бесчестию.

Эскадра стояла в полной боевой готовности, ожидая конца переговоров.

Зная решительность, достоинство и твердость Сенявина, Коттон принял предложение и подписал 23 августа 1808 года вместе с Сенявиным договор об интегрировании российской эскадры. Впоследствии адмирал Коттон за это чуть не был отдан под суд, а адмирал Сенявин впал в немилость у Александра I. Поражает мудрость и дальновидность этого поступка Коттона и Сенявина, они ведь, наверное, предполагали подобные последствия, благоразумно разрешив труднейшую ситуацию.

Невероятная картина наблюдалась в Портсмуте, куда 27 сентября прибыла русская эскадра. Ей были оказаны все почести установленные международным правом. Сенявин был встречен в английском порту салютом и барабанным боем, и это в стране, которой Россия объявила войну!

Но все это не понравилось английскому правительству, желавшему видеть не торжественный приход, а позорный привод побежденного русского флота.

Почти целый год русские моряки в тяжелых условиях пробыли в Англии, и только 4 августа 1809 г. они вместе с адмиралом вышли на английских транспортах в Россию.

8 сентября 1809 г. Сенявин с личным составом своей эскадры прибыл в Ригу, где ему сразу же было объявлено, что он не будет принят при дворе. Так встретил русский царь победоносную эскадру, единственную в его царствование прославившую Россию морскими победами и заставившую уважать себя три Державы.

Опалу, постигшую Сенявина, трудно было объяснить. Нет сомнения, в числе многих причин недовольства Александра I одной из главных было общее недоброжелательство к Сенявину со стороны бездарных лиц, стоявших во главе морского ведомства.

Главную роль играли здесь Чичагов и Траверсе, убежденные сторонники идеи, что Россия не может по целому ряду причин быть морской державой, а потому наличие активного морского флота является для нее ненужной роскошью. Естественно, что Сенявин, яркий представитель противоположного мнения, с его блистательными деяниями на море был для них фигурой нежелательной и потому все их старания направлялись к развенчанию его в глазах царя.

Другой причиной была постоянная самостоятельность Сенявина. Обстоятельства, приведенные и описанные подробно выше, очень хорошо показывают, как часто Сенявину приходилось задерживать исполнение царских приказаний и даже пытаться добиваться их отмены. Александру эти шаги

истолковывались как примеры неповиновения, достойные наказания. Лиссабонский договор давал формальные основания осуществить это.

По возвращении Сенявин был назначен на второстепенный пост главного командира Ревельского порта.

Зато нравственное удовлетворение Сенявин нашел в глубокой привязанности, любви и уважении бывших своих подчиненных, выразивших все это в своем адресе, который они преподнесли ему перед уходом из Портсмута.

«Ваше превосходительство!

Вы в продолжение четырехлетнего главного начальства над нами во всех случаях показали нам доброе свое управление.

Как искусный воин, будучи неоднократно в сражениях с неприятелями, заставляли нас, как сотрудников своих, всегда торжествовать победу.

Как добрый отец семейства, вы имели об нас попечение и мы не знали нужды, а заботу и труд почитали забавою. Вы оное видите на удовольственных лицах наших.

Вы своим примером и наставлением, одобряя за добро и умеренно наказуя за преступления, исправил наши нравы и отогнали пороки, сопряженные с молодостью, в том порукою наше поведение.

Будучи в утесненных, по несчастию, обстоятельствах, Вы отвратили от нас всякий недостаток, даже доставили случай пользоваться удовольствиями и мы были и есть счастливы...» (3, с. 87).

Вместе с адресом офицеры поднесли и вазу с надписью в честь победы в Афонском сражении.

«Адрес и ваза были единственной утехой в мои опальные дни» (3, с. 89), — говорил Сенявин впоследствии.

Когда вспыхнула отечественная война 1812 года, когда все стремились принять участие в борьбе за освобождение родины, когда все сплотились в единую силу, опала Сенявина, ученика и продолжателя победоносных дел Ушакова, оцененного самим Суворовым, продолжалась. Ему, который, приводил когда-то в бешенство Наполеона своими деяниями и победами, не нашлось места в рядах защитников родины. На прошении Сенявина о назначении в действующую армию. Александр I собственноручно написал: «Где? в каком роде службы? и каким - образом?» (3, с. 90).

Такова была оценка заслуг и талантов Сенявина, в то время когда бездарному П. В. Чичагову была вручена целая армия, терпевшая поражения из-за кабинетного военачальника, не имеющего опыта ведения дела в боевой обстановке.

Узнав о резолюции царя, Сенявин, движимый одним только патриотизмом, тотчас же написал маркизу де-Траверсе, исполнявшему обязанности министра военных морских сил об отставке и желании уйти в ополчение: «Наконец, буду служить таким точно образом, как служил я всегда и как

обыкновенно служат верные и приверженные российские офицеры государю императору своему и отечеству».(3, с. 90).

Но это письмо, в котором Сенявин выражал желание принести посильную помощь общему делу, не было удостоено даже ответом..

Горькие дни переживал в 1812 г. оскорбленный и униженный флотоводец, занимаясь на своем посту транспортными перевозками, бездейственно наблюдая поражения и отступление нашей армии. Он ведь французов бил и не раз!

Дождавшись окончания кампании 1812г., Дмитрий Николаевич подал в отставку и 21 апреля 1813г. уехал в Петербург, где и прожил до смерти Александра I.

С самого своего возвращения в Россию по просьбе бывших подчиненных Сенявин хлопотал о выдаче призовых денег, положенных им по закону за взятые и уничтоженные в бою корабли. Но все хлопоты были тщетны. Сенявину или вовсе не отвечали, а если отвечали, то отказом, и только после нескольких писем, адресованных лично Александру I, он добился удовлетворения справедливых претензий.

Особенно интересно последнее его письмо, выпукло рисующее нам нравственный облик этого замечательного человека в период морального и материального угнетения во время отставки (образец его в приложении).

Это ли письмо, наконец, подействовало или то, что всенародно любимый и уважаемый адмирал, вышел на дворцовую площадь, в парадном мундире, при всех орденах и демонстративно просил милостыню у проходящих, но царь, обратил внимание на просьбы Сенявина. На этот раз было приказано назначить комиссию для разрешения вопроса о призовых деньгах, и после десяти с лишним лет они, наконец, были выданы офицерам и команде эскадры Сенявина.

Так и в отставке старый адмирал заботился о своих боевых товарищах.

Но до этого положение Сенявина было очень тяжелым. Кроме нравственных переживаний, в это время он нуждался и материально. Положение его было почти бедственное. «Это нищий, которому Россия должна миллионы, истраченные им для чести и славы отечества...» (3, с. 92) - говорили тогда про Сенявина его современники.

Тяжело переживал Сенявин и свое отлучение от флота и его разруху. Адмирал, сражавшийся под командованием Ушакова и учившийся у него и Суворова, прекрасно видел причины деградации и упадка духа боевого и человеческого. И в армии и на флоте недавние победители Корфу, Бородина, Кульма, Парижа, Дарданелл и Афона учились плацпарадным выкруткам, корабли гнили без плаваний в Маркизовой луже (на Невской губе), на их палубах обучали журавлиному шагу. Боевую школу, дух Суворова и Ушакова сменила подготовка к смотрам и параду. Все это видел Сенявин. И занося на листы своих воспоминаний славные дела прошлого, забытый

флотоводец с горечью писал: «В то время люди были веселы, румяны, и пахло от них свежестью и здоровьем; нонича же, посмотрите прилежно на фронт, что увидите - бледность, желчь, унылость в глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище. Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровье. Ему надобно дух, дух и дух. Пока будут делать все для глаза, пока будут обманывать людей, разумеется, вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в существе ни добра, ничего хорошего и полезного»(3, с. 93). Как актуальны порой эти слова и в наше время.

Передача опыта, возвращение героических и человеческих качеств в своих приемниках.

Ученик Ушакова, современник Суворова, победитель у Дарданелл и Афона знал секрет боевого успеха. В коротком слове «дух» заключалось все, что соединяло в одно победоносное целое вождя и его войско, обеспечивало все отрасли боевой подготовки и рождало то подлинное искусство в борьбе на суше и на море, итогом которого всегда была победа. Именно в передаче этого искусства последующему поколению и заключалась последняя миссия старого русского воина молодым.

Со вступлением на престол Николая I положение Сенявина изменилось. К этому времени снова начали осознавать необходимость в сильном флоте. Естественно, вспомнили о Сенявине, и 24. декабря 1826г. он вновь был принят на службу с прежним чином и старшинством.

Вскоре Сенявин был назначен командующим Балтийской эскадрой.

В 1826г. Сенявин был произведен в адмиралы и готовил снова эскадру к боевым действиям в хорошо знакомом ему регионе - Архипелаге, воспитывал будущих героев Наварина и Севастополя, передавал им секреты военно-морского искусства, возвращал дух и исконно русское человеколюбие. Преемственность поколений благодаря этому не нарушилась и дух петровской, екатерининской эпох, дух Славы добытой победами предков передавался непосредственно через старого адмирала молодым. Это был последний долг Сенявина как человека и как героя. Очень хорошо этот период жизни Дмитрия Николаевича описали И.Фирсов (4, 5) и Ю.Давыдов (10).

До самой смерти Сенявин сохранял полное спокойствие и память. Он спокойно беседовал о приближающейся кончине и даже шутил: «Странно, я никогда не пил воды, а умираю от водяной» (3, с. 95).

В завещании своем, Дмитрий Николаевич просил похоронить его в халате, в простом гробу, на Охтинском кладбище и без всяких почестей, где, как, пишет И. Фирсов, был похоронен уже его младший сын - Левушка.

Но Николай I распорядился иначе. Сенявин был похоронен со всеми почестями, подобающими национальному герою, (траурной церемонией командовал сам Император) в Духовской церкви Александро-Невской Лавры. Символично, что похоронен он был рядом с могилой серба Милорадовича.

Именно за освобождение его исторической Родины столько сил было положено Дмитрием Николаевичем и, где спустя столько лет, лучше, чем в России, свято помнят русского адмирала, Героя-освободителя и человека.

В 1930-х годах над прахом Героя-освободителя было произведено страшное надругательство. Духовскую церковь использовали тогда и до сих пор используют как станцию переливания крови, а по могилам адмирала Дмитрия Николаевича и других известных и уважаемых людей, честно трудившихся для блага России, провели канализацию. Надгробные плиты, правда, Сенявина и Милорадовича, были перенесены в Благовещенскую церковь, как музейные экспонаты. Какой жутко «трогательный» вандализм! Какой стыд и позор, нам до сих пор, что молча сносим подобные кощунства!

В заключение, несколько завершающих штрихов к портрету Дмитрия Николаевича Сенявина из воспоминаний лейтенанта И. Сущева, посетившего 35 лет спустя после сенявинской кампании Архипелаг, в которых ярко обрисовывается, какую память оставил о себе этот человек в сердцах славян и греков: «Чужой народ, морями и царствами отдаленный от русской империи и ей преданный, как родной сын ее: почему это?... Где же источник неистощимой привязанности к русским именно жителей Ионических островов? Кто виновник радостных приветствий, с какими нас окружили иностранцы? Кто внушил им это уважение к русскому флагу?.. Тот, чье имя повторялось теперь на шканцах, на палубе и в кают-компании. О ком говорили с заметным оживлением и всех расспрашивали приезжие толпы? Кого благословляют здешние народы, рассказывая детям о его временах, о их благоденствии под управлением адмирала Сенявина? Здесь все знают, помнят и глубоко уважают Дмитрия Николаевича!» (3, с. 95, 96).

«Любимый разговор наших гостей был о нем, они не говорили о его воинской славе или морской известности, нет, рассказывали о нем самом, как о человеке без блеска и титула. Говорили, как он был строг и вместе с тем входил в малейшие нужды жителей, всякого сам утешал, каждому помогал и его любили больше, нежели боялись. В какой дисциплине держал он и своих и чужих, но любил, чтобы все окружающие были им довольны и всегда веселы; сам изобретал удовольствия, давал пиры, и все уважали его не на словах, а действительно, как отца-командира; наконец, заговорили об его отъезде. Как это неожиданное известие всех поразило: не хотели этому верить; не могли видеть французского флага, греки бунтовались, но адмирал Сенявин усмирил их, и весь народ со слезами провожал его. И теперь при этом рассказе у некоторых навертывались слезы...» (3, с. 96).

Из выше изложенного можно сделать вывод, что жизнь Дмитрия Николаевича, непосредственно рожденного и возвращенного боровской землей, была яркая, сложная, полная взлетов и почитаний, и несправедливых забвений, и унижений, как при жизни, так и после нее. Вспоминали подчас о Дмитрие Николаевиче только в самые трудные минуты для Родины (перед

Крымской войной, перед Первой Мировой и во время Великой Отечественной войны). В эти трудные для Родины времена на примерах исторических героев, каким был Дмитрий Николаевич, рождались современные герои и воспитывались подрастающие поколения. Сам же он был тем плодом, которое породило плодоносное древо древнего рода Сенявиных, он этим всегда гордился и старался всеми своими делами не посрамить славные деяния своих предков.

Адмирал Д.Н. Сенявин Портрет не известного художника.

3. Галерея исторических портретов рода Сенявиных .

Как писал в своей книге « Адмирал Д. Н. Сенявин » известный советский историк А. Л. Шапиро: «...литература, посвященная Сенявину, еще далеко не соответствует его месту в истории Русского флота и военно-морского искусства. »(2, с.4). Эти слова можно в полной мере отнести и ко всей династии Сенявиных.

Преемственность поколений (морально-патриотическое воспитание национального героя)

Дмитрий Николаевич является не только одним из самых талантливых и отважных адмиралов, он является звеном одной цепи в истории Российского флота, выпадение которого является невосполнимой потерей.

Дмитрий Николаевич Сенявин – ученик Федора Федоровича Ушакова, и был не только лучшим учеником и соратником его, решительным борцом за сохранение боевых традиций Русского флота, он сам умножал эти тра-

диции и внес свой ценный вклад в сокровищницу военно-морского искусства. Эту взаимосвязь сразу осознаешь, читая труд А. Л. Шапиро (2), В. Гончарова (3), но особенно книг и последних авторов писавших о Дмитрие Николаевиче, И. Фирсова (4, 5) и В. Ганичева (6). Именно эти авторы подробно и глубоко описывают взаимосвязь и преемственность поколений флотоводцев.

Ушаков был учеником Алексея Наумовича Сенявина, начинавшего свою службу на флоте под началом своего отца, адмирала, героя петровской эпохи, Наума Акимовича Сенявина. Будучи сам воспитан в роду Сенявиных и став лучшим учеником Ушакова, взяв все лучшее, что ему досталось в наследство от предков и от учителя, Дмитрий Николаевич стал не только выдающимся военачальником, но замечательным наставником, учителем и воспитателем.

Тактические и стратегические воззрения Дмитрия Николаевича Сенявина и его взгляды на вопросы воспитания оказали влияние на Михаила Петровича Лазарева, Павла Степановича Нахимова и целого ряда других известных моряков этого времени.

Наум Сенявин, Алексей Сенявин, Федор Ушаков, Дмитрий Сенявин, Михаил Лазарев, Павел Нахимов, Владимир Корнилов, Григорий Бутаков, Степан Макаров связаны друг с другом не только как адмиралы, идентично смотревшие на цели и развитие военного флота России, каждый из них испытывал непосредственное, личное влияние своего предшественника.

Из перечисленной плеяды великих флотоводцев фамилия Сенявин не случайна и появление в ней такого флотоводца, как Дмитрий Николаевич, тоже является определенной закономерностью. Понятие династичности за несколько десятилетий ушло из нашей жизни для нас два - три поколения занимающиеся одним ремеслом, делом - уже являются династией. Что можно сказать о династии насчитывающей 500 лет?!

В 2014г. исполняется 500 лет служения Династии Сенявиных России.

(Данные взяты - Гр. А Бобринской) (7).

Представители этой династии верой и правдой служили Отечеству в разных воинских чинах, а с эпохи Петра I Сенявины стали морской династией, давшей России пять адмиралов и 12 других чинов в военно-морской службе.

Мемуары Дмитрия Николаевича начинаются так: «Я из рода тех Сенявиных... которого потомки в царствование государя императора Петра Великого славно служили в гвардии и во флоте.» Этим как бы особо подчеркивая родовую связь, преемственность и гордость за своих предков.

Дмитрий Николаевич воспитывался в династических традициях, впитал в себя все лучшее, что было в роду: честь и славу предков, и профессиональные тонкости, наработанные его предками в военно-морском флоте. Он не только впитал это в себя, но развил, преумножил, и стал самым знамени-

тым, ярким, талантливым флотоводцем в династии Сенявиных. Как подтверждение народной мудрости: «Яблоко от яблони не далеко падает», стоит подробно дать родословную Сенявиных, которая как нельзя лучше показывает все блага династийного принципа воспитания. (данные даются родословной по Лобанову- Ростовскому, и Половцеву А. (8))

Свое начало династия Сенявиных ведет из Польши от рода Грановских. Рафаил Грановский, сын Напелского кастелянша – Дмитрия Грановского, воевал в Русской земле против татар(возможно участвовал в Куликовской битве) вместе со своим родным братом. После смерти отца им досталось имение Сплавс. Рафаил Грановский женился на единственной наследнице рода и имения стоящего на реке Сенява и изменил свою фамилию – стал прозываться Сенявский.

Предки Сенявиных ходили в крестовые походы за гроб Господень, это отражено на их гербе - шестиконечная звезда, попирающая полумесяц. Сам герб польский, но в Польшу он пришел из Германии.

Кратко о династии уже писалось. Хочу более подробно остановиться на ветке рода Сенявиных – моряков. И глава этой династии – Сенявин Аким Иванович.

Сенявин Аким Иванович

Дворянин московский 31 июля 1682 г. Получил вотчину в Боровском и Ярославском уездах: «Божиею милостию Мы, Великие Государи Цари и Великие Князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и Великая Государыня... Царевна...София Алексеевна... пожаловали Акима Ивановича Синявина... за его многую службу (участвовал в отпоре набега крымского хана в 1673г.)... и пожаловали, похваляя его службу и храбрость...указали ему дати сию Нашу царскую жалованную грамоту... на память в предбудущим рода его: что он за мужественное и храброе свое в воинских делах стояние сию Нашу Царскую милость получил: и чтобы впредь на его службы смотря, дети его, и внучата, и правнучата, и кто по нем роду его будет так же за веру христианскую и за святые божия церкви... и за свое отечество стояли крепко и мужественно...

Та вотчина ему, Акиму Синявину (до середины 18 века фамилия писалась через и), и его, и его детем, и внучатом и правнучатом в роды их неподвижно. И вольно им та вотчина продати, и заложити, и в приданные дати.

Печатана Нашего Государства в царствующем граде Москве, в лето от сотворения мира 7190-го (1682г.) от Рождества же по плоти Бога Слова... июля в 31 день...

Подписал диак Дмитрий Федоров.

Справил Ивашко Шеин.»

Потомки Акима Ивановича этот завет чтили.